

ства губернатором как в его окружении, так и в столице. Это лишало Пекин возможности столь любимых им манёвров⁹⁵. Ли Хунчжан вообще объявил, что начинается раздел империи. За подписание договора цзянь-цзюнь был отстранён от должности и вызван для суда над ним в Пекин. Лишь заступничество российского посланника спасло чиновника: его оставили на посту, строго предупредив, чтобы он не совершал более «глупых ошибок»⁹⁶. Аналогичное соглашение почти одновременно, но без скандала, Н.И. Гродеков заключил с гиринским цзянь-цзюнем.

8.5. Первый вариант сепаратного соглашения

Словно придерживаясь определённого плана, в самом конце 1900 г. российское руководство, заключив соглашения с губернаторами, приступило к обсуждению контуров сепаратного договора с Пекином. Ещё в ноябре 1900 г., когда Ли Хунчжан пытался выведать у С.Ю. Витте требования России к Китаю, министр финансов ответил ему, что их обусловят требования «союзников»: «Сепаратный договор мы не можем заключить, не зная, что будут делать другие державы, ибо иначе свяжем себе руки»⁹⁷. С.Ю. Витте, вероятно, старался избежать таким образом ловушки, приготовленной для России Пекином, но он всё-таки выступал за продолжение тайных переговоров, полагая, что их главным предметом должна была стать судьба Маньчжурии. Показательно, что разработка проекта соглашения оказалась в руках С.Ю. Витте, а не Министерства иностранных дел, новый руководитель которого В.Н. Ламздорф занимал пассивную позицию относительно Дальнего Востока⁹⁸. В конце 1900 г. С.Ю. Витте поменял своё мнение, решив, что се-

⁹⁵ Впрочем, возможности эти оставались, просто Пекин их не заметил. Дело в том, что переговоры с китайской администрацией, к примеру, в той же Гиринской провинции пытались одновременно вести пять самостоятельных инстанций: командир 2-го Сибирского корпуса, военный комиссар, дипломатический агент, представители КВЖД и Русско-Китайского банка (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.119). Никакого согласования действий между ними не было, поэтому китайские власти при известной ловкости могли бы воспользоваться таким «многouverластием».

⁹⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 января 1901 г. // Там же. Д.868. Л.149; Симанский П.Н. Указ. соч. С.114–115.

⁹⁷ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 10 и 15 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.22, 26.

⁹⁸ Финансовый агент Министерства финансов в Лондоне С.С. Татищев спросил у С.Ю. Витте: «Как можете Вы, Сергей Юльевич, идти рука об руку с таким бездарным человеком, как граф Ламздорф? – С нетерпением Витте его перебил: «Ламздорф – единственный министр, который меня не травит»» (Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С.372).

паратное соглашение с Китаем следует готовить вне прямой связи с требованием держав, после чего проект документа был составлен в Петербурге «в каких-нибудь десять дней»⁹⁹.

Сначала 5 декабря 1900 г. свои соображения высказал А.Н. Куропаткин. Он повторил своё прежнее суждение, что с военной точки зрения России не следует торопиться с выводом войск из Маньчжурии, так как предстояло ещё завершить строительство железной дороги до Порт-Артура и доделку КВЖД, а охранная стража не могла обеспечить безопасность дороги. Но и после завершения работ военный министр соглашался лишь сократить военное присутствие с более чем 60 до минимум 12 батальонов, полагая, что «наши военные интересы не будут обеспеченными, если мы не сохраним за собою права удержать в Маньчжурии на неопределённое время в поддержку к охранной страже силу в 8 батальонов с соответственным числом частей других родов войск». Идею присоединения Маньчжурии (всей или её части) к России А.Н. Куропаткин пока не выдвигал¹⁰⁰.

Мнение С.Ю. Витте существенно отличалось от предложений военного министра. Фактически они представляли собой не столько условия для побеждённой стороны, сколько новую программу действий России в Китае. Министр финансов уже не в первый раз признал, что интересы России в Китае «сосредоточены во всех почти пограничных его провинциях». Их сферу главный архитектор прежней китайской политики определил как находящуюся к северу от Великой китайской стены (то есть, область «железнодорожного влияния» России по соглашению с Англией 1899 г.) – Маньчжурия, Монголия, Илийский край и Кашгар. С.Ю. Витте также фактически отказался от прежнего метода действий в Китае – с помощью финансово-экономических инструментов, подчеркнув, что для защиты интересов России следует «устранить по возможности иностранное влияние». Он хотел, чтобы в северных пограничных провинциях Поднебесной иностранцы не получали концессий, а сам Китай не строил железных дорог. Однако как именно это сделать, министр финансов не уточнил. Проблема оказалась для него неразрешимой и в дальнейшем повлекла за собой много негативных последствий.

В дополнение этих условий С.Ю. Витте хотел получить концессию на строительство железной дороги от Пекина до Синминтина (севернее Шанхайгуаня) с веткой на Инкоу (то есть, почти параллельную английской дороге,

⁹⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.278.

¹⁰⁰ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 5 декабря 1900 г. и 2 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.42–43; Д.198. Л.2–4. С лета 1900 г. С.Ю. Витте начал увеличивать численность охранной стражи сначала с 5 до 7 тыс. человек, а затем до 11 и 16 тыс. Помимо стрелкового оружия ей придали артиллерию и даже бронепоезда (Пролог... С.110–111; Романов Б.А. Указ. соч. С.280).

уже построенной), либо её часть. В случае же отказа – более скромную концессию на дорогу от основной трассы КВЖД до Великой китайской стены по направлению к Пекину (об этом министр финансов говорил с 1897 г.)¹⁰¹. Трудно рационально объяснить это стремление. Возможно, это стало отголоском прежних планов С.Ю. Витте – доступ на рынки в Центральном Китае, от которых ему трудно было отказаться. Если кратко резюмировать предложения министра финансов, то надо признать, что его цели приняли более реалистичный характер, а методы переменились: от экономического соревнования он всё больше и больше склонялся к поиску преимуществ, закреплённых в специальных соглашениях, что исключало свободную конкуренцию.

Первый вариант сепаратного соглашения с Китаем, появившийся 13 декабря 1900 г.¹⁰², включил в себя «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии», дополненные соображениями С.Ю. Витте¹⁰³. Свои исправления внесли Николай II, пожелавший увеличить срок аренды Квантунского полуострова, и А.Н. Куропаткин, опять настаивавший на том, чтобы Россия «сохранила в неопределённой форме на неопределённое время» право держать войска в Маньчжурии¹⁰⁴. Министр финансов осторожно возразил царю, указав, что момент для реализации его предложения являлся неподходящим. С намерением же военного министра он категорически не согласился. С.Ю. Витте привёл два аргумента против: «едва ли есть повод ожидать скорого возникновения в Маньчжурии серьёзных общих беспорядков», русские же войска необходимы лишь до тех пор, «пока мы не завершим сооружение железной дороги». Министр финансов также не относился серьёзно к угрозе коммуникациям Порт-Артура в случае ухода из Маньчжурии русских войск¹⁰⁵. Это возражение военным выглядело уже явно надуманным. У него не нашлось убедительных контрдоводов против предложений А.Н. Куропаткина. В целом же сопротивление С.Ю. Витте демонстрировало не только реальные проблемы, связанные с присутствием русских войск на чужой территории, но и желание поскорее очистить свою дальневосточную «империю» от посторонних, в данном случае – военных. Впрочем, несмотря на явные расхождения между двумя министрами, у них существовала точка соприкосновения. С.Ю. Витте понимал, что охранять

¹⁰¹ Романов Б.А. Указ. соч. С.281.

¹⁰² Россия всё-таки дождалась предъявления Пекину коллективной ноты держав 9 (21) декабря 1900 г., через четыре дня Китай объявил, что её принял (Там же. С.261).

¹⁰³ Проект программы сепаратного соглашения с Китаем 13 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.109–110.

¹⁰⁴ Резолюция А.Н. Куропаткина на письме В.Н. Ламздорфа 21 декабря 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.283.

¹⁰⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 9 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.53–56; Д.868. Л.126–129.

от посягательств русскую сферу влияния в Китае невозможно без использования вооружённой силы, хотя он пока надеялся преимущественно на соглашение с Пекином¹⁰⁶.

9 и 11 января 1901 г. С.Ю. Витте представил В.Н. Ламздорфу проекты двух документов: сепаратного соглашения с Китаем и договора между правлением КВЖД и китайским правительством. Сепаратное соглашение состояло из 16 статей. Пекину обещали восстановить в Маньчжурии китайскую власть и удалить оттуда русские войска. В ответ от Китая требовалось согласиться на ряд специальных мер по защите русских интересов в северных провинциях Поднебесной: не дислоцировать там части регулярной армии, установить беспопышную торговлю для русских. В качестве компенсации за ущерб, нанесённый КВЖД боксёрским восстанием (это помимо соглашения России с Пекином в составе других держав – переговоры об этом продолжались в китайской столице), правительство брало на себя обязательство не выдавать иностранцам концессии в Маньчжурии без согласия Петербурга и передать некоторые из них дороге, в частности, на добычу золота, на заготовку леса в бассейне пограничной с Кореей реки Ялу, а также предоставить территорию в порту Инкоу. С.Ю. Витте включил в проект и своё условие – получение концессии на строительство железной дороги от основной трассы КВЖД к Пекину¹⁰⁷. Б.А. Романов справедливо усмотрел в проекте министра финансов прежде всего не восстановление «довоенного status quo», а желание «постепенного сокращения района оккупации и окончательного вывода из Маньчжурии – не русских сил вообще, а только – регулярных войск, состоявших в ведении русского военного министра»¹⁰⁸. То есть, условия сепаратного соглашения отражали также и интересы борьбы министров между собой за дальневосточные дела. Проект соглашения КВЖД с китайским правительством предусматривал расширение полосы отчуждения до 5 вёрст, предоставление управлению дороги не только лесных и золотодобывающих концессий, но и право на добычу угля¹⁰⁹.

А.Н. Куропаткин не принял предложения С.Ю. Витте и продолжал настаивать, что Маньчжурию пока не следует возвращать Пекину, можно лишь выразить «твёрдое намерение» сделать это, если правители Срединной империи исполнят подготовленное сепаратное соглашение¹¹⁰. Для преодоления

¹⁰⁶ Пролог... С.141–143.

¹⁰⁷ Проект сепаратного соглашения с Китаем, составленный в Министерстве финансов // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.58–67; Д.868. Л.130–133; Романов Б.А. Указ. соч. С.285–290.

¹⁰⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.290–291.

¹⁰⁹ Перечень льгот, которые, с точки зрения Министерства финансов, было бы желательно выговорить у китайского правительства при предстоящих с ним переговорах // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.111–126; Д.868. Л.135–137.

¹¹⁰ Проект сепаратного соглашения с Китаем с исправлениями Военного министерства // Там же. Д.198. Л.9–12.

разногласий 28 января 1901 г. три министра – С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин – собрались по распоряжению Николая II в частном совещании. Им пришлось пойти на взаимные уступки. Поправка А.Н. Куропаткина была отклонена, сановники решили вернуть Маньчжурию Китаю и вывести оттуда русские войска, не обуславливая это заключением сепаратного соглашения. По сути это означало гибель самой идеи: после вывода войск Пекин терял заинтересованность в подписании отдельного договора с Россией, который бы включал существенные преференции для Петербурга. По настоянию В.Н. Ламздорфа в проекте соглашения смягчили требования в пользу Русско-Китайского банка и КВЖД, в частности, удалили статью о беспошлинной торговле. Интересы КВЖД и Русско-Китайского банка по-прежнему предполагалось защитить с помощью отдельного договора¹¹¹. Изменили и некоторые другие условия. Так, запрет Китаю содержать регулярные войска в Маньчжурии действовал только до вывода русских частей. Но основная конструкция соглашения осталась без изменений: в обмен на обещание удалить русские войска Пекин брал на себя обязательство не выдавать иностранцам концессий в Маньчжурии и Монголии без согласия Петербурга¹¹².

Совещание трёх министров наконец поставило точку в подготовке документа – министры нашли взаимоприемлемые формы, осталось только отредактировать текст и начать переговоры с Пекином. Проект сепаратного соглашения одобрил Николай II, и 3 февраля 1901 г. его немедленно передали китайскому посланнику в Петербурге Ян Ю, который 22 декабря 1900 г. получил все необходимые полномочия для ведения переговоров от китайского правительства¹¹³. Текст также послали Ли Хунчжану, для подкрепления сделанного Пекину предложения ему обещали 1 млн. руб. в случае подписания документа¹¹⁴. Внешне это произвело впечатление: китаец действительно боялся, что Россия может отказаться от своего решения вернуть Пекину Маньчжурию. В.Н. Ламздорф в связи с этим испытывал сдержанный оптимизм, надеясь, что соглашение будет вскоре заключено.

Однако к тому времени китайские правители успели избавиться от страха и растерянности, и двор уже принял превентивные меры: информация о сепаратных переговорах с Россией «утекла» в дипломатические миссии держав, чтобы умерить требования Петербурга. Впрочем, и до начала переговоров, 3 января 1901 г. в «Times» появилось сообщение о соглашении Е.И. Алексеева

¹¹¹ Проект сепаратного соглашения с Китаем, изменённый после частного совещания министров // Там же. Л.16–18; Романов Б.А. Указ. соч. С.296–299.

¹¹² Проект сепаратного соглашения с Китаем, составленный в Министерстве иностранных дел // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.89–92; Д.868. Л.144–146.

¹¹³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.116.

¹¹⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.301.

с мукденским цзянь-цзюнем и излагалось (не вполне точно) его содержание¹¹⁵. В конце января 1901 г. слухи о ведущихся между Пекином и Петербургом переговорах о Маньчжурии уже широко циркулировали в Японии¹¹⁶. «Japan Mail» даже сообщила условия соглашения: возвращение власти в Маньчжурии китайской администрации с запретом иметь войска и сооружать укрепления, взамен местная администрация обязывалась помогать русским (кажется, эти условия газетчики заимствовали из соглашения, подписанного И.Я. Коростовцом и Цзен Ци – то есть, использовали сообщение «Times»)¹¹⁷. Ещё дальше пошёл «Shanghai Mercury», объявив 29 января 1901 г. о таком же соглашении, но как уже заключённом между Россией и Китаем¹¹⁸. Дальневосточная пресса вообще в те дни была переполнена различными вариантами соглашения между Петербургом и Пекином, содержащими как правдоподобные условия (о монополии России на строительство железных дорог в Маньчжурии и Монголии или о двух представителях России в каждой маньчжурской провинции) так и не очень (о передаче России железной дороги Шанхайгуань–Инкоу или об уплате Китаем дополнительно вознаграждения Петербургу за ущерб от боксёрского восстания). Но в целом весь этот поток информации всё-таки отражал содержание действительных требований России. Интересно, что по вопросу о концессиях, где Пекин пока уступал безоговорочно, внятных сведений в печати не оказалось (может быть, за исключением железных дорог).

Более точные сведения о русских условиях появились вскоре после того, как они официально были переданы китайцам. 26 февраля 1901 г. японская газета «Дзидзи-шимбо» объявила: Россия готова оставить Маньчжурию после её успокоения, на КВЖД останется охранная стража, китайские войска могут находиться в Маньчжурии только с согласия России, иностранными военными инструкторами в них могут быть исключительно русские офицеры, назначение и увольнение чиновников местной администрации – лишь с согласия России, в Цзиньчжоу вводится автономное управление, Петербургу предоставляется концессия на строительство железной дороги до Великой стены, ущерб, нанесённый восстанием боксёров КВЖД, возмещается ей передачей концессий¹¹⁹. Детальность и точность информации о русском предложении свидетельствуют, что японская газета пользовалась, несомненно, надёжными источниками информации. Не случайно, что эта публикация

¹¹⁵ Там же. С.295.

¹¹⁶ Симанский П.Н. Указ. соч. С.117.

¹¹⁷ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.253–254.

¹¹⁸ Там же. С.280–281.

¹¹⁹ Там же. С.322.

состоялась в Стране восходящего солнца – злейшем и главном враге России на Дальнем Востоке, как тогда казалось в Пекине.

Разумеется, информация о слухах быстро достигла российского руководства, В.Н. Ламздорф использовал это обстоятельство в качестве одного из аргументов, чтобы умерить требования к Китаю. В Пекине Ли Хунчжан рассказывал М.Н. Гирсу и Д.Д. Покотилову всякие небылицы вроде тайного англо-германского соглашения для противодействия России в Маньчжурии¹²⁰ или коллективного (!) протеста против сепаратного русско-китайского соглашения посланников Англии, Германии, Японии и Австро-Венгрии¹²¹. Через несколько дней сановник, повторив информацию о коллективном протесте держав (на сей раз к ним был добавлен представитель США), одновременно заметил, что «находит весьма затруднительным» согласиться передать России все концессии в Монголии и Ганьсу (Западный Китай), не возражая пока против железной дороги к Пекину (но лишь до городской стены) и передачи КВЖД концессий и преимуществ в Маньчжурии в качестве платы за нанесённый дороге ущерб от восстания ихэтуаней¹²². Нетрудно заметить, что за три месяца до того, когда положение пекинского правительства казалось отчаянным, вопрос о концессиях в Монголии и Ганьсу не вызывал у Ли Хунчжана ни малейших затруднений. Российскому посланнику китаец также выразил недовольство статьями сепаратного соглашения, запрещавшими появление иностранных инструкторов в китайской армии, строительство Пекином железных дорог в северных приграничных провинциях и предоставление земли иностранцам, за исключением открытого для них ранее порта Нючжуан¹²³.

Тактика китайцев в переговорах с Россией стала совершенно очевидной: тянуть время, выпрашивать уступки, а в случае отказа – тут же предавать «конфиденциальные» переговоры огласке, надеясь на понимание и поддержку других держав. Здесь бы российской стороне следовало задуматься, может

¹²⁰ М.Н. Гирс – в МИД 31 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.171. Через неделю министр ответил дипломату, что получил из Берлина «самые категоричные опровержения» о подобном соглашении (В.Н. Ламздорф – М.Н. Гирсу 8 февраля 1901 г. // Там же. Л.168).

¹²¹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 9 февраля 1901 г. // Там же. Л.164. М.Н. Гирс сообщил в Петербург о якобы сделанном протесте от имени одного германского посланника (М.Н. Гирс – В.Н. Ламздорфу 8 февраля 1901 г. // Там же. Л.172). Возможно, в это же время С.Ю. Витте предлагал представителю Японии в Петербурге Сутэми размен Маньчжурии на Корею: в ответ на право иметь советников в королевстве в Токио признавали бы преимущественное положение России в Маньчжурии. Но японцы не отнеслись к предложению серьёзно (Романов Б.А. Указ. соч. С.316).

¹²² Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 12 и 14 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.52–54; Романов Б.А. Указ. соч. С.302.

¹²³ М.Н. Гирс – в МИД 12 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.42.

быть, взять паузу, чтобы тщательно оценить обстановку и принять решение, как действовать дальше, когда успех сепаратного соглашения становился в высшей степени сомнительным. Однако Николай II, внимательно следивший за ходом переговоров, оставил на телеграмме Д.Д. Покотилова резолюцию: «На происки иностранцев нам нечего обращать внимания»¹²⁴. Министр финансов разъяснил В.Н. Ламздорфу: «ближайшая практическая цель России состоит в недопущении иностранного влияния в Маньчжурии и в весьма важном во многих отношениях и богатых золотом местностях Кашгарского, Яркендского, Хатанского и Кэрийского округов»¹²⁵. То есть, он по-прежнему категорически настаивал на запрете Китаю выдавать горные концессии иностранцам. Здесь С.Ю. Витте получил полную поддержку А.Н. Куропаткина и с оговоркой – В.Н. Ламздорфа (предложившего сделать статью секретной)¹²⁶. Чтобы добиться этого, следовало заставить Пекин подписаться под ограничительными условиями. Пока же министр финансов продолжал давить на Ли Хунчжана, угрожая ему, что «если соглашение не будет подписано, то останется навеки существующее положение вещей, которое фактически равносильно присоединению к нам Маньчжурии»¹²⁷.

Решение С.Ю. Витте было крайне неудачным и опрометчивым. Ведь если бы Ли Хунчжан и захотел исполнить данное «указание», ему требовалось преодолеть сильнейшее сопротивление двора и большинства генерал-губернаторов, вообще не поддерживавших идею сепаратного договора с Россией. Если же министр финансов намеревался запугать китайское руководство, то ему следовало найти вариант, при котором Пекин не получил бы поддержку других держав, обратившись к ним за помощью при угрозе своей власти в Маньчжурии. Подобная комбинация требовала тщательной подготовки и предварительного обсуждения с многими заинтересованными сторонами. Ничего подобного российской дипломатия не предприняла.

Не удивительно, что в ответ на угрозы Россия немедленно столкнулась с крепнущим сопротивлением Пекина. Китайское руководство незамедлительно использовало один из своих излюбленных приёмов: с русскими условиями ознакомили представителей всех держав в Поднебесной¹²⁸. С.Ю. Витте же упорно продолжал «ставить» на Ли Хунчжана, вероятно, помятуя о его роли в соглашениях 1896 и 1898 гг. С.Ю. Витте просил китайца «оказать всё своё

¹²⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 14 февраля 1901 г. с резолюцией Николая II // Там же. Оп.22. Д.211. Л.29.

¹²⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 17 февраля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.198. Л.45–46.

¹²⁶ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 14 февраля 1901 г. // Там же. Л.55.

¹²⁷ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 22 февраля 1901 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.33–33 об.

¹²⁸ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 21 февраля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.195–196.

могущественное влияние к тому, чтобы Китай как можно скорее принял наши условия относительно Маньчжурии <...> Этим путём Китаю будет возвращена Маньчжурия, ныне по праву завоёванная [и] фактически нам принадлежащая. Всякая проволочка в принятии предложенных нами условий будет лишь укреплять существующее положение»¹²⁹. Тем не менее, к концу февраля 1901 г. терпение министра финансов истощилось, и по его просьбе Д.Д. Покотилов заявил Ли Хунчжану, что С.Ю. Витте сомневается в содействии китайца России¹³⁰. Разумеется, никакого эффекта и это обращение не возымело. Одновременно С.Ю. Витте решил, что России следует идти навстречу пожеланиям Ли Хунчжана (это была ещё одна большая ошибка), несмотря на оговорку, что «нам не следовало бы выражать особую уступчивость»¹³¹. 24 февраля 1901 г. по распоряжению царя совещание трёх министров пересмотрело проект сепаратного договора¹³². Участники согласились с возможностью приглашения иностранных военных инструкторов в китайскую армию и с присутствием её в Маньчжурии, а запрет на выдачу концессий иностранцам ограничились только Маньчжурией. Однако к оставшимся условиям сановники добавили ультиматум – подписать соглашение в двухнедельный срок¹³³.

8.6. Второй вариант сепаратного договора

Казалось бы, что на новых условиях соглашения следовало стоять твёрже, чем в предыдущем случае. Однако Петербург продолжал демонстрировать труднообъяснимую мягкость. Несмотря на заявление С.Ю. Витте («Никаких дальнейших изменений сделано не будет и что если в назначенный срок соглашение не будет подписано, то мы будем считать себя в дальнейших действиях совершенно свободными»)¹³⁴, Россия сразу же приняла поправки, предложенные Ли Хунчжаном. Конечно, они оказались мелкими, но для китайца явились важным сигналом: Россия и дальше будет отступать, поэтому переговоры надо затягивать, одновременно выторговывая всё новые и новые уступки. Петербург попался на эту удочку. Ли Хунчжан изобразил удовлетворение как новой редакцией соглашения (требования России «вполне справедливые», их также

¹²⁹ Телеграмма С.Ю. Витте Д.Д. Покотилу 10 февраля 1901 г., одобренная Николаем II // Там же. Оп.22. Д.211. Л.23. Она была предварительно обсуждена с В.Н. Ламздорфом, согласившимся с тем, что эвакуация Маньчжурии без всяких условий невозможна (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 10 февраля 1901 г. // Там же. Л.21).

¹³⁰ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 1 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.210–211.

¹³¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 февраля 1901 г. // Там же. Д.198. Л.63–65.

¹³² Симанский П.Н. Указ. соч. С.120–121; Пролог... С.146.

¹³³ Исправленный проект сепаратного соглашения с Китаем // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.77–79; Романов Б.А. Указ. соч. С.303.

¹³⁴ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 25 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.35; Симанский П.Н. Указ. соч. С.122.